

РАЗДЕЛ I

И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО: ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ПРОФЕССОР И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Л.В. Милов

И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО. ТРУДЫ И КОНЦЕПЦИИ

Дорогие коллеги! Делать доклад об Иване Дмитриевиче и очень легко и очень трудно. Легко, потому что есть громадный материал - это исследования Ивана Дмитриевича. Есть много его оригинальных наблюдений, открытий. Есть оригинальная концепция, о которой я, вскользь, конечно, буду говорить. А трудно, потому что из жизни безвременно ушел громадный человек, человек большой души, мощного интеллекта, человек, который обладал удивительной, таинственной, притягательной силой. Вокруг него всегда группировались молодые люди, и не только молодые, но и вполне зрелые. Одним словом это был человек, который был, ну, я бы сказал так: системообразующим фактором жизни и бытия. Ну и конечно, речь идет о том, что по своим человеческим данным Иван Дмитриевич был удивительным человеком. Просто трудно вспоминать все эпизоды жизни, подтверждающие это, а их очень много и у его учеников, и у всех присутствующих.

Я не буду останавливаться на биографии Ивана Дмитриевича. Она и трудная, она и прекрасная. У него было и много побед, и много удач, и много счастливых моментов жизни, но у него было и много горя. Причем такого горя, которое далеко не каждому по плечу.

Иван Дмитриевич занимался главным образом историей России XIX - начала XX века. Причем начал он, по совету Сергея Сергеевича Дмитриева, с А.Н. Радищева, хотя с самого начала был увлечен историей экономики и историей крестьянства. Написав интересную работу по истории общественной мысли, Иван Дмитриевич позже неоднократно вспоминал с благодарностью совет Сергея Сергеевича, ибо погружение в комплекс проблем истории общественной мысли России с самого начала дало

ему возможность быть многогранным в своих исследованиях. Иван Дмитриевич в течение всей своей жизни много внимания уделял истории общественной мысли, историографии, в то время как не меньшее, а, может быть, большее время отдавал истории экономики, истории крестьянства, истории сельского хозяйства и последние примерно полтора десятка лет основательно занимался проблемами методологии истории.

Если говорить о трудах Ивана Дмитриевича, то, конечно, прежде всего нужно уделить внимание тем полутора десяткам лет, которые он отдал изучению аграрной истории и истории крестьянского помещичьего хозяйства в первой половине XIX века, то есть предреформенному периоду. Этот период завершился не только несколькими десятками фундаментальных статей, но и двумя блестящими монографиями. Одна из них посвящена крестьянскому и помещичьему хозяйству Рязанской и Тамбовской губерний первой половины XIX века, а вторая посвящена русскому крепостному крестьянству. Огромный материал, который Иван Дмитриевич собрал в архивах, а также огромный материал сводной ведомственной статистики, который был до революции опубликован в многочисленных изданиях, в периодической печати и сборниках, позволил ему создать названные фундаментальные исследования. У Ивана Дмитриевича с самых первых шагов его научной деятельности выделяется одна очень важная особенность исследовательского подхода - умение в частном увидеть общее, соотнести частное с общим. По этому принципу построены обе его монографии: и по материалам Рязанской и Тамбовской губерний и обобщающая монография по истории русского крепостного крестьянства первой половины XIX века. Это весьма редкое достоинство ученого по существу и обеспечило тот большой успех монографий, особенно его докторской диссертации о русском крепостном крестьянстве, который неизменно сопровождает книги Ивана Дмитриевича. И здесь не менее важным был тот самый момент, о котором говорил Сергей Павлович: уже на стадии подготовительных работ по докторской диссертации Иван Дмитриевич очень заинтересовался проблемой применения математики в экономических и исторических исследованиях. Но основная работа по применению количественных методов развернулась уже позже. А если говорить о его докторской диссертации, то здесь я бы упомянул только один момент. Момент, важный и с методической, и с методологической точки зрения.

Речь идет о том, что у Ивана Дмитриевича в этой фундаментальной работе есть одна блистательная глава, посвященная воссозданию механизма динамики крестьянского расслоения. Он

использовал подворные описания за первую половину XIX века, которые неоднократно проводились по одним и тем же селениям, по одним и тем же крестьянским хозяйствам. Причем частота этих описаний была разная (от 3-х - 4-х за пятидесятилетие до 8-и • 9-ти за то же самое пятидесятилетие). То есть была возможность проследить динамику перемещения крестьянских хозяйств в различные социальные страты (от беднейших к средним, от средних к богатым и обратно). Часть этой работы была сделана на ЭВМ. Для этого Иван Дмитриевич проделал большую работу в Новосибирск, ибо тогда в Москве подобной работы нельзя было сделать, но большую часть розыска дворов он проводил вручную. Представьте себе: это сотни крестьянских хозяйств. Причем постоянных фамилий у крестьян не было, и нужны были какие-то признаки в сочетании имен, чтобы определить и идентифицировать одну и ту же семью и род, одно и то же хозяйство. Это требовало, конечно же, огромного напряжения ума, памяти, ну и, конечно же, чисто физических затрат. В итоге получилась интереснейшая работа, где было показано, что первые два десятилетия XIX века резко отличаются по характеру крестьянских перемещений от последующих тридцати лет. О чем идет речь? Оказывается за первые два десятилетия движение крестьян было сбалансировано. Ну, скажем, беднейшие дворы в конце концов практически за пятьдесят лет все оказывались в средних. Средние частично передвигались в беднейшие, а частично в верхние слои, и наоборот. Но в общем был какой-то равномерный баланс. Конечно, это очень важное открытие, поскольку в основе его архивный материал. Это не априорная конструкция, которая давно фигурирует в историографии, это абсолютно реальный механизм движения реальных хозяйств. Второй период динамики перемещения - последующие три десятка лет. Здесь речь идет о том, что этот механизм уже резко нарушен. В 30-50 гг. XIX в. в основном передвижка шла уже из среднего слоя в нижний, беднейший слой. Практически законсервировался высший слой крестьянства и только отдельные, так сказать, всплески движения вверх характерны для беднейших крестьян. То есть это уже совершенно принципиально новый момент в развитии не только социальной жизни крестьян, но и крестьянской экономики. Эти три десятилетия в нашей историографии характеризуются как кризисные. В этой связи я упомянул, что много лет спустя Иван Дмитриевич вернулся к этой проблеме, но на совершенно неблагоприятном историческом материале. Речь идет о том, что единственный шанс вычленив подобную группировку дворов для начала XX века, это обработка крестьянских бюджетов - материалов земской статистики. И вот здесь

Иван Дмитриевич применил поистине уникальную методику, созданную им. По 60-ти показателям экономики крестьянского хозяйства он создал в результате многомерного факторного анализа один всепоглощающий фактор, который по сути синтезировал все 60 показателей. Это сделано было на материале двух губерний - Пензенской и Воронежской, ибо издания по этим губерниям являлись лучшими из материалов земской статистики. На основании полученного Иваном Дмитриевичем синтезированного показателя оказалось возможным раздробить массив крестьянских хозяйств на четыре страты. На два промежуточных слоя и два полярных слоя. Причем в принципе материалы бюджетов изначально уже давали простые, ясные сведения по состоянию крестьянского хозяйства. Это оценка величины валового бюджета и его доходной части. То есть в публикациях фигурировали минимальные, средние и высшие цифры бюджетов по каждому хозяйству. По ним очень легко разделить крестьян на те же самые четыре группы. Но что интересно: когда эта традиционная группировка была сопоставлена с той, которую придумал Иван Дмитриевич, разница оказалась поразительной. То есть количественный состав этих групп не совпадал в той и другой группировке. Я не буду останавливаться на деталях этой процедуры, скажу лишь одно, на мой взгляд, самое важное. Оказалось возможным при факторном анализе крестьянской экономики оценить не только сиюминутное состояние крестьянского хозяйства, но и оценить его потенциальные возможности перемещения в иную страту, то есть оценить перспективы передвижения крестьянского двора в другую социальную страту. Такой работы никто еще не сделал. И дай Бог чтобы кто-нибудь ее повторил.

Вторым большим этапом исследовательской жизни Ивана Дмитриевича был этап, связанный с изучением процесса формирования аграрного рынка. Вот здесь он уже целиком переключился на применение математических методов в области исторических исследований. Первое, что я отмечу - это неудачи предшествующих работ. Были попытки создания таких работ на основе методики применения парной корреляции к хлебным ценам в Италии. Затем такая же попытка была предпринята в Польше. И обе эти попытки в общем-то не оставили в историографии сколько-нибудь четкого отзыва, так скажем. В какой-то мере учитывая эти попытки, Иван Дмитриевич разрабатывает новую методику. Методику, где центром является не корреляция натуральных цен, а корреляция так называемых случайных отклонений цен. Это материалы, полученные путем аналитической операции выравнивания натурального ряда цен и вычита-

ния из компонентов натурального ряда уровней выровненного ряда. Методологическая сущность и цель подобной процедуры заключается в том, чтобы каждый показатель в динамическом ряду цен освободить от неизбежного влияния цены предыдущего года, ибо теоретико-вероятностные принципы обязывают нас вовлечь в расчеты независимые друг от друга показатели. Огромные массивы данных в виде так называемых случайных колебаний и легли в основу всего исследования. Исследование это многообразное, потому что в нем исследовались как товарные рынки на сельскохозяйственную продукцию, так и товарные рынки на рабочие руки, на рабочий скот и землю. Именно последними тремя товарными рынками и занимался Иван Дмитриевич. И исследование это было очень интересным с той точки зрения, что итоги и результаты математической обработки сухих цифр, взятых из разных источников, оказались очень тесно сопряженными с той реальной исторической действительностью, которую более или менее историки знали. Ну, скажем, историки знали, что в конце XIX - начале XX века в России огромную роль играло помещичье землевладение. В том числе и латифундиальное. И этот фактор, а также господство надельного крестьянского землевладения препятствовали формированию рынка на землю. И сухие цифры цен, обработанные по определенной процедуре, подтвердили это положение. Корреляционные матрицы, построенные на ценах на землю, не давали сколько-нибудь убедительных показателей, которые бы подтверждали развитие рынка земли. Были, конечно же, региональные рыночные конъюнктуры для целостных десятилетних периодов. Но в какие-то более-менее глобальные регионы они не сливались. И совсем другая картина относительно рынка на рабочие руки и рабочий скот. Там по существу в канун первой мировой войны рынки образовали так называемые сверхрегионы (по двадцать - тридцать губерний в одной единой экономической макроконъюнктуре). Я помню, а я участвовал в этом исследовании и написал половину книги, что нас в общем-то переполняло некое чувство гордости за то исследование, которое мы сделали по рынку. Почему?! Потому, что в этом исследовании впервые удалось буквально "пощупать руками" и обнаружить фундаментальную закономерность, которая, так сказать, функционировала по нарастающей и, так сказать, "заполняла собой" территорию государства в течение почти двух столетий. Вот сейчас очень модно в историографии отказываться от каких-либо закономерностей в историческом процессе. Так?! Господствует тенденция так называемого постмодернизма. Но, надеюсь, те ученые, которые исповедуют эти взгляды, видимо, все еще не знакомы с нашей рабо-

той. А ведь она была и будет доказательством существования объективных исторических закономерностей.

Наконец, третий этап жизни и деятельности Ивана Дмитриевича. Этап, связанный с работой по расширению сфер применения количественных методов. И здесь нужно повести речь не только о самом Иване Дмитриевиче, но и о его учениках. Учениках прекрасных, талантливых, способных, учениках, которые умели, так сказать, "грызть гранит науки", работать с обширной информацией, извлекая ее из архивов, из публикаций и, конечно же, обрабатывая ее. Надо сказать, что здесь и создавалась эта самая научная школа Ивана Дмитриевича Ковальченко, когда он мог реализовать свои замыслы с помощью талантливой молодежи.

Говоря об этом этапе, прежде всего следует упомянуть о найденном им "ключике" к совершенно безнадежным, "запертым наглухо" публикациям земской статистики, которые касаются обследований крестьянских хозяйств. Все знают, что около 300 томов земской статистики имеют лишь поволостные, поездные средние данные, из которых нельзя извлечь никакого материала насчет развития капитализма в аграрной сфере. И вот совместные усилия учеников и руководителя привели к очень интересной методике, которая заключалась в том, что поездные сводки были расчленены, разъяты на некие компоненты. Ведь благодаря функционированию общины в сельском хозяйстве расслоение носило не только индивидуальный характер, но и в какой-то мере территориальный характер. Существовали волости более богатые и более бедные. И вот, собрав, сконцентрировав в единые информационные массивы богатые волости (там, где число зажиточных крестьян было до 30-ти % и больше), Иван Дмитриевич решил (а молодые ученые это сделали) проанализировать структуру поездных средних данных, сгруппировав их в вариационные ряды с задачей обнаружения там компонентов структуры капиталистического хозяйства. И то же самое было проделано с совокупностями дворов по преимуществу беднейших, где в итоге была обнаружена структура беднейшего, полупролетарского хозяйства. То есть речь идет о том, что с заведомо испорченным источником оказывается можно было так обойтись, что он дал, хотя бы в первом приближении, но довольно зрелую информацию о развитии капитализма в пореформенный период. Таким образом, перед наследниками этого выдающегося ученого встала перспектива подобной обработки почти трех сотен томов земской статистики.

Иван Дмитриевич с учениками создал две интересные монографические работы, где вклад учеников носил творческий

характер. Одна посвящена сущности социального строя помещичьего хозяйства, а другая - характеру социального строя крестьянского хозяйства. Обе работы сделаны на материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года. И в этих работах тоже есть много интересных методик и концепций.

Наконец, непременно следует сказать о той работе, о которой коротко говорил Сергей Павлович - о фундаментальной монографии или, как говорил Иван Дмитриевич, о двух монографиях под одной обложкой, одна из которых посвящена общеметодологическим проблемам развития исторической науки, то есть теории познания и технике исследования, а вторая целиком посвящена количественным методам исследования. Ну я затрону опять-таки вторую часть, хотя подчеркну, что работа по методологии истории, пожалуй, впервые в историографии, исключая работы Н. Кареева, создана высокопрофессиональным историком, а не философом; тем не менее она носит характер зрелого философского исследования, что было и подтверждено коллегами из этого "подразделения гуманитарного знания". Достижения этой части многогранны. Можно вести речь хотя бы о том, что эта работа именно в своей первой части пользуется очень большим интересом и популярностью у студентов. Что касается второй части, то я упомяну сейчас о наиболее важном моменте, о том принципе количественного анализа исторического материала, который получил название моделирования. Когда речь идет о моделировании, то нужно непременно вспомнить первые разработки теоретического характера Ивана Дмитриевича, которые были опубликованы еще в 60-х годах в "Вопросах истории", то есть о моделировании исторических процессов. И надо сказать, что работа по выработке новой терминологии и наиболее четких формулировок была, на мой взгляд, успешна. Иван Дмитриевич, несмотря на очень большую литературу по моделированию, а моделирование, как вы знаете, применяется в самых разных отраслях прикладных разделов науки и техники, в естественных и гуманитарных науках, несмотря на обилие историографии, Иван Дмитриевич сумел отжать то, что нужно историкам. А историкам нужны были, пользуясь его терминологией, в первую очередь "отражательно-измерительные" модели. Создание и изучение таких моделей, по мнению Ивана Дмитриевича, есть главный путь в развитии исторических исследований. И, во вторую очередь, речь шла о так называемых прогностических, или имитационно-прогностических моделях, среди которых, по мнению Ивана Дмитриевича, следует различать два класса моделей. Один из них - альтернативные модели, а другой - так называемые контрфактические модели. Здесь я только упомяну об

известном исследовании Р. Фогеля по поводу судьбы экономики США в фантастической ситуации, если бы там во второй половине XIX века не было железных дорог. Р. Фогель много лет спустя после создания этого исследования, а также исследования о рабском труде в Америке получил Нобелевскую премию. Но отношение исследователей и их суждения прежде всего по поводу первой работы до сих пор различны. И Иван Дмитриевич занимал здесь резко критическую позицию, считая, что историки стоят перед соблазном и опасностью исследовать то, чего не было на самом деле. Даже если принять во внимание, что в очень редких случаях такие работы частично углубляют реальные знания о реальном процессе, все равно здесь есть фундаментальная методолого-гносеологическая опасность. И сейчас, в настоящий момент, опасения Ивана Дмитриевича подтверждаются, ибо у молодежи существует очень большое увлечение по поводу того, "чего не было на самом деле". Это особый вопрос. Я не могу на нем останавливаться вплотную, но фиксирую это лишь для того, чтобы охарактеризовать реальные позиции этого выдающегося исследователя.

От себя лишь добавлю следующее. Нобелевская слава Р. Фогеля создала в некоторых кругах молодых клиометристов некий ажиотаж по поводу альтернативных и контрфактических моделей. Стало чуть ли не престижным изучать то, чего в истории не было. Однако при этом мало кто задумывался над тем, какова же цель работ "экономического историка", исследует ли он ход исторического развития и его закономерности или его интересуют эвристические аспекты контрфактического моделирования. На мой взгляд, оставляя в стороне субъективную постановку задач самим автором этого исследования, труды такого рода имеют смысл лишь как эксперимент экономиста, выполненный методом сценария на историческом материале. Ведь в данном случае материал - это некая система, структурированная самой историей. Вводя в готовую систему новые существенные перемены, экономист продельвает увлекательную для него работу, внося многочисленные "объективные" изменения в эту структуру. В традиционных экономических прогнозах этого нет. А задачи изучения закономерностей исторического развития, вероятно, здесь в расчет и не должны приниматься. Будет весьма печально, если увлечение альтернативным и контрфактическим моделированием приведет в конечном счете к тривиальным фальсификациям, к созданию своеобразного "исторического Зазеркалья". В таком случае не исключено и создание интерактивных разработок всякого рода исторических альтернатив. И дело может кончиться и компьютерными играми в альтернати-

вы. Это уже большой бизнес, в котором место для науки вряд ли останется. Разумеется, это лишь предположения, хотя и весьма печальные.

Ну и, наконец, я должен сказать, что работы самого последнего периода жизни И.Д. Ковальченко касаются общих проблем философии истории и, конечно же, судьбы марксизма. Ни для кого не секрет, что за последние пять лет ситуация с марксизмом явно критическая! Он исторически скомпрометирован, потерпел крушение, потому что падение такой великой державы, как Советский Союз, а с ним и общественного строя, так или иначе бросает тень на марксизм. Поэтому в постановке вопроса Иваном Дмитриевичем речь шла о том, какие элементы марксизма сохранили непреходящую ценность, какие элементы устарели, как марксизм должен соотноситься с общим ходом развития философии истории. И я думаю, что именно на этом пути, то есть на пути развития постмарксизма и должны лежать основные исследования. Именно этим и стал заниматься Иван Дмитриевке!. Его работа встретила пока что резкую критику, но я думаю, что такого рода критиков будет все-таки мало. Как вы ни крутите, но сегодня, на настоящий момент, социальной онтологией, не имеющей конкурентов, остается все-таки марксистская теория. Хотя я еще раз оговариваюсь, что речь, конечно же, должна идти о постмарксизме. Иван Дмитриевич Ковальченко был полон, так сказать, интеллектуальных сил, хотя в последние годы часто болел. Он, конечно, не думал о смерти. И вот сейчас, когда Комиссия по наследию ученого работает с его материалами, просто поражает, какой громадный задел оставил этот выдающийся исследователь. Он копил материал на новую работу, которую он условно называл "Аграрный строй России конца XIX - начала XX века". Остается только надеяться, что его славные ученики, а их больше полусотни, продолжат это исследование. Благодарю за внимание.